

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПЕТЕРБУРГ

ЭПИЗОД 1

На сцене вразброс сидят и беседуют или чинно прогуливаются мужчины и женщины. У женщин веера, шляпы, у мужчин высокие воротники и нашейные платки. Стройный гул голосов, почти музыкально организованных в многоголосный хор (возможна французская речь). В одной из групп идет разговор о Пушкине.

Батюшков:

- Сверчок что делает?

Тургенев:

- Прыгает по бульварам.

Батюшков:

- Не худо бы его запереть и кормить три года молочным супом. Как ни велик талант Сверчка, он его промотает... Но да спасут его музы и молитвы наши!

Карамзин:

- Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера...

Голицына (о себе):

- Княгиня Евдокия Ивановна Голицына была очень красива. Черные выразительные глаза, густые волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, улыбка добродушная и грациозная. Придайте к тому голос, произношение, необыкновенно мягкие и благозвучные - и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее.

Карамзина:

- Какая-то цыганка предсказала ей однажды что она умрет ночью. Голицына превратила ночь в день, а день в ночь, чтобы не встретиться со смертью, когда та придет за ней. Только ночью принимала она друзей в своем великолепном салоне. "Княгиня ночи" - так звал ее Петербург.

Карамзин:

- Пушкин лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви.

Появляется Пушкин. Стоя в почтительном отдалении от Голицыной, читает, обращаясь к ней:

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Где женщина не с мертвой красотой,
Но с огненной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Пленительный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел;
Но я вчера Голицыну увидел -
И примирен с отечеством моим.

ЭПИЗОД 2

Карамзина (уходя):

- У господина Пушкина всякий день дуэли; слава Богу, не смертоносные, так как противники остаются невредимы.

Пушкин (как бы отвечая ей, уходя в другую сторону):

- Что делать? Без шума никто не выходит из толпы!

Уходя, Пушкин сталкивается с разъяренным Кюхельбеккером, который размахивает каким-то листком. Пушкин берет его и читает, все более веселясь:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно -
Так было мне, мои друзья,
И КЮХЕЛЬБЕККЕРНО, и тошно.

Протягивает стихи Кюхельбеккеру, но тот в ярости рвет их на клочки. Тут же появляются два секунданта с пистолетами. Немая сцена, утрированно-пародийно разыгрывается: отмеряется расстояние, противники становятся, целятся (все чуть быстрее, как в старом кино), Кюхля стреляет - дым рассеивается, Пушкин невредим, бросает пистолет в сторону, бросается к Кюхле, но тот кричит в отчаянье: "Стреляй! Стреляй!" Пушкин бегом, скорей-скорей подбирает пистолет, стреляет в воздух, бросается к Кюхле, раскрывает объятия:

- Полно дурачиться, милый! Пойдем чай пить!

ЭПИЗОД 3.

Сцена освещена с одного краю. Два поэта.

Батюшков:

- Сверчок что делает?

Тургенев:

- Сверчок прыгает по бульварам. Но при всем беспутном образе жизни его он кончает четвертую песнь поэмы.

Сцена освещается в центре. Пушкин сидит с оглодком пера и перечитывает написанное с огромнейшим удовольствием:

"Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет!
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров -
Не стану есть, не стану слушать,
Умру среди твоих садов!"
Подумала - и стала кушать!

(Слова Людмилы читает, подражая ей голосом и мимикой. Затем пауза. Подумал, сказал, рассмеялся и стал записывать).

Сзади и сбоку сцены во главе с Каченовским крадутся и окружают Пушкина со всех сторон, как бы запирая его в ловушку, три критика: Глупый, Дотошный и Вредный. Каченовский дирижирует этим ансамблем.

- Зачем Финн дожидался Руслана?

- Зачем Руслан посвистывает, отправляясь в путь?

- Зачем маленький карла с большой бородою (что, между прочим, совсем не забавно) приходит к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем, в испуге чего не сделаешь?) и как колдун позволил ей это сделать?

- Зачем Руслан говорит, увидевши поле битвы:

О поле, поле, кто тебя

Усеял мертвыми костями?

- Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле под голову брата? Не лучше ли было взять его домой?

- Зачем будить двенадцать спящих дев и поселять их в какую-то степь, куда, не знаю зачем, поехал Ратмир?

- Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в отчаяние, не найдя Людмилы, махал до тех пор мечом, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги?

- Зачем карла вылез из котомки убитого Руслана?

- Зачем это множество точек после стихов:

Шатры белеют на холмах?...

Пушкин слушал, крутя головой то в сторону одного критика, то другого, но, не выдержав, вскакивает и кричит:

- Автору было 20 лет от роду, когда кончил он свою поэму. Он начал ее, будучи еще воспитанником Царскосельского Лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки.

Каченовский тоном, не допускающим возражений, "медленно, однообразно и утомительно":

- Позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: "Здорово, ребята!"

- неужели стали бы таким проказником любоваться?.. Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещения, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна.

(Последнюю фразу произносят все хором).

Пушкин в изнеможении садится и картинно опускает голову на грудь.

ЭПИЗОД 4.

Появляются веселой толпой арзамасцы во главе с Жуковским, который преподносит Пушкину свой портрет, торжественно надписывает его, читая вслух:

- Победителю ученику от побежденного учителя в сей высокоторжественный день, в который он окончил поэму "Руслан и Людмила" - 1820 года, марта 26-го, великая пятница.

Арзамасцы аплодируют, Каченовский и компания ретируются. Пушкин, счастливый и довольный, принимает подарок и декламирует:

Великим быть желаю,
Люблю России честь;
Я много обещаю,
Исполню ли - Бог весть!

Откланивается и убегает. По пути роняет листок. Жуковский подбирает его и читает:

Раевский, молодец прежний,
А там - уже отважный сын,
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но, к неописанной печали,
Поэта дома не нашли -
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью Борисом,
Домой уныло побрели.

ЭПИЗОД 5.

Николай Тургенев, отделяясь от толпы арзамасцев, серьезно:

- Третьего дня был у нас "Арзамас". Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожения рабства...

Один из арзамасцев:

...Сие болото и называется бесовским. Рассказывают, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалеко от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса...

Громкий хохот.

Тургенев, перебивая тему, очень серьезно читает:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...

Пушкин подходит и заканчивает:

О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?

Свет гаснет.

ЭПИЗОД 6.

В разных концах сцены декламируются негромко среди групп людей стихи. Листки с текстом передаются из рук в руки, mnoжатся, засыпают всю сцену.

- Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

- Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель громко плачет,
За ним и весь народ.

- Мария в хлопотах спасителя страшает:

"Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука - русский царь!"

Царь входит (на этих словах действительно появляется
в темной углу сцены фигура царя) и вещает:

- "Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский, и австрийский
Я сшил себе мундир.

- О радуйся, народ:
Я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я пил, и ел, и обещал -
И делом не замучен.

- Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца - в желтый дом.

- Закон постановлю
На место вам Горголи
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли".

- О радости в постеле
Расплакался дитя:
"Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?"

- А мать ему: "Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Уснуть уж время наконец,
Ну, слушай же, как царь-отец

Рассказывает сказки".

- Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он - друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? ПРЕДАННЫЙ БЕЗ ЛЕСТИ
.....грошевой солдат.

Последний отрывок читается с нарастанием многоголосия. Затем резко обрывается, меняется освещение.

ЭПИЗОД 7.

В углу сцены царь. Из-за спины некто:

- В самом Лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей. Это доказывает почти все вышедшее оттуда. Из воспитанников более или менее есть почти всяк Пушкин. (Протягивает листок со стихами).

На имя Пушкина Александр дергается и говорит:

- Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть читает их.

Доносчик, почтительно кланяясь, удаляется.

Свет гаснет и вновь загорается, выхватывая в центре сцены Пушкина, который вызывающе читает (по мере чтения свет медленно тускнеет, так что в конце уже совсем темно и голос как бы удаляется):

Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободою, душой,
И вы забыты мной, изменницы младя,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Шум моря.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЮГ.

ЭПИЗОД 1.

На сцене два Пушкина. Один - "настоящий". Он пытается рассказать о себе. Другой - "романтический", все время перебивает первого, восторженно жестикулируя и декламируя.

Первый:

- Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в бреду, без лекаря, за кружкой оледенелого лимонада. Сын его предложил мне путешествие к кавказским водам. Я лег в коляску больной, через неделю вылечился. Два месяца жил я на Кавказе...

Второй:

- Аул. Пленник. Дева! Любовь! Пиры. Песни. Воспоминания... Тайна. Ночь. Побег!

Первый (недовольно взглянув на Второго, извиняюще на зрителей):

- С полуострова Тамани, древнего Тматороканского княжества, открылись мне берега Крыма...

Второй:

Покинув север наконец,
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец.
Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах.
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью;
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!

Первый (потеряв всякое терпенье):

- Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. Катерина Раевская поэтически описывала мне его, называя фонтаном слез. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан: из заржавой железной трубки по каплям падала вода.

Второй, пристыженный и уличенный во лжи, ретируется.

ЭПИЗОД 2.

Уходя, Второй сталкивается с группой людей, объединяемых печатью тайны на лицах. Это - заговорщики. Первый с интересом к ним приглядывается, говоря:

- Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь. Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии, и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, братьев

генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше...

Один из заговорщиков строго перебивает:

- Общество наше - разнообразная...

Пушкин:

- И веселая!

Заговорщик (переглядывается с остальными):

-... смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России...

Пушкин:

- Любопытных для незнакомого наблюдателя!

Второй влетает на авансцену с криком:

- Греция восстала!

На сцене суeta. Все радуются, поздравляют друг друга. Первый наблюдает за всем происходящим молча.

Второй:

- Происшествия эти будут иметь последствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы! Восторг умов дошел до высочайшей степени: все мысли устремлены к одному предмету - на независимость древнего отечества. В лавках, на улицах, в трактирах - везде собираются толпы греков; все продают за ничто свое имущество, покупают сабли, ружья, пистолеты!

Восстань, о Греция, восстань!

Недаром напрягаешь силы,

Недаром потрясаешь брань

Олимп, и Пинд, и Фермопилы!

Страна героев и богов,

Расторгни рабские вериги

при пеньи пламенных стихов

Тиртея, Байрона и Риги!

Заговорщики потихоньку расходятся, встревоженные таким шумным восторгом поэта.

Первый, подходя ко Второму, печально говорит:

- Говорили об Ипсиланти. Между пятью греками я один говорил, как грек: все отчаялись в успехе...

Второй:

Свободы сеятель пустынный,

Я вышел рано, до звезды;

Рукою чистой и безвинной

В поработанные бразды

Бросал живительное семя -

Но потерял я только время,

Благие мысли и труды...

Первый:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Поворачивается, медленно подходит к столу, садится, подперев рукой голову:
- Душа моя, тошнит с досады - на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая
глупость - долго ли тому быть?

ЭПИЗОД 3.

Выходит на сцену Александр Раевский и говорит уверенно, тоном, не допускающим
возражений:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.

Пушкин (второй) смятенно:
В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия -
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья;
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь;
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапно осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.

Раевский (иронически):
Неистоимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел -
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Пушкин (приближаясь к Раевскому):
Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,

Неподражательная странность
И резкий охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм.

Раевский (усмехаясь и дальше издевательски):
- Пушкин хотел казаться Онегиным, а был Ленским!

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством подарит!

Снисходительно взглянув на Пушкина:

Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

Уходит.

ЭПИЗОД 4.

Пушкин, забыв о нем уже, восторженно читает:

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
одно привычное желанье,
Одна привычная печаль...

Появляется Воронцова с мужем, окруженная толпой почитателей. Пушкин, увидев Воронцову, не отрываясь смотрит на нее издали.

Воронцова:

- Елизавета Ксаверьевна Воронцова была одной из привлекательнейших женщин своего времени.

Один из толпы:

- Все ее существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною грациею, такою приветливостью, таким неукоснительным щегольством!..

Другой:

- В ней не было того, что называют красою; но быстрый нежный взгляд ее небольших глаз пронзал насквозь.

Воронцов с женою раскланиваются со всеми и уходя встречаются с Пушкиным (Первым). Не обращая внимания на своего начальника, Пушкин обращается к ней со стихами, последние строки произносятся излишне страстно:

Морей красавец окриленный!
Тебя зову - плыви, плыви
И сохрани залог бесценный
Мольбам, надеждам и любви.
Ты, ветер, утренним дыханьем
счастливый парус напрягай,
Ты, море, бурным колыханьем
Ее груди не утомляй.

Кланяется, целует Воронцовой руку. Она уходит.

ЭПИЗОД 5.

Воронцов, отходя в сторону, раздраженно диктует:

- Прошу избавить меня от поэта Пушкина; первое, он ничего не хочет делать и проводит все время в совершенной лени.

Пушкин (к нему):

- Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить? Я принимаю эти 700 рублей не как жалованье чиновника, но как паек ссыльного невольника.

Из зала раздаются аплодисменты, одобрительный смех.

Воронцов (повышая голос):

- Другое - таскается с молодыми людьми, которые умножают самолюбие его, коего и без того он имеет много. Поклонники его поэзии кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем, пока он только слабый подражатель малопочтенного образца - лорда Байрона. Удалить его отсюда значит оказать ему истинную услугу.

Поворачивается, чтобы уйти. Пушкин ему в спину:

Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец; но есть надежда,
Что будет полным наконец!

Снова возгласы, аплодисменты. Пушкин раскланивается и читает следующее стихотворение, которое Воронцов слушает очень внимательно и сразу после чтения начинает диктовать приказ.

Пушкин:

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удушен.

"Я очень рад",- сказал усердный льстец.
"От одного мерзавца мир избавлен!"
Все смолкнули, все потупили взор:
Всех удивил неожиданный приговор.
Ризго был, конечно, очень грешен,-
Согласен я,- но он за то повешен;
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этак нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в самой подлости оттенок благородства!

Воронцов:

- Приказ за номером 7976 1824 года мая 22 дня. Коллежскому секретарю Пушкину отправиться в уезды Херсонский, Елисаветградский и Александрийский и по прибытии в города Херсон, Елисаветград и Александрию явиться в тамошние общие уездные присутствия и потребовать от них сведений, в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются после сего осмотреть важнейшие места где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные ко истреблению оной средства и достаточны ли распоряжения, учиненные для этого уездными присутствиями, и обо всем, что по сему найдено будет, донести.

Пушкин слушает, сначала не веря своим ушам, затем с выражением боли, затем с бешенством. Писарь, закончив писать, почтительно усмехаясь подает поэту приказ. Во время чтения Воронцовым приказа собирается светская толпа, пересмеивающаяся и перешептывающаяся. Все с любопытством следят за Воронцовым и Пушкиным. Орлов, после того, как пушкин удаляется, произносит:

- Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею и после весьма трудной кампании вчера (28 мая) вернулся, отступив перед несметным неприятелем.

Толпа изображает голосом саранчу.

Вбегает Пушкин:

- Воронцов - вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое.

Швыряет отчет Воронцову. Воронцов читает вслух отчет, почтительно переданный ему секретарем:

САРАНЧА

Мая 23 Летела, летела

Мая 24 И села;

Мая 25 Сидела, сидела,

Мая 26 Все съела

Мая 27 И вновь улетела.

Воронцов (после некоторого раздумья):

- Пушкин, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе.

Пушкин:

И слава Богу! От вельмож
Уехал в тень лесов тригорских,
В далекий северный уезд,
И был печален мой отъезд...

Свет гаснет. В темноте аккорды гитары. Все актеры выходят на сцену и поют:

Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем:
У каждой эпохи свои подрастают леса.
А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем
Пожинать в "Яр" заскочить хоть на четверть часа.

Теперь нам не надо по улицам мыкаться ощупью:
Машины нас ждут и ракеты уносят нас вдаль.
А все-таки жаль, что в Москве больше нету извозчиков,
Хотя б одного, и не будет отныне, а жаль.

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
Разумный свой век, многоопытный век свой любя.
А все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему,
И мы иногда все холопами числим себя.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
Мы все обрели: и надежную пристань, и свет.
А все-таки жаль, что порой над победами нашими
Встают пьедесталы, которые выше побед.

Былое нельзя воротить. Выхожу я на улицу
И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
Извозчик стоит, Александр Сергеевич прогуливается,
Ах, завтра, наверное, что-нибудь произойдет.